

НЕВИДИМЫЕ УЗЫ

ЖАН-ФРАНСУА
ПАСК

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
П19

Jean-Francois Pasques

FILS DE PERSONNE

© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2022

Паск, Жан-Франсуа.

П19 Невидимые узлы / Жан-Франсуа Паск ; [перевод с французского Е. В. Клоковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Франция).

ISBN 978-5-04-196186-2

Бумажка с номером телефона, экземпляр «Шангеревой кожи» и зажигалка Иностранного легиона. Это все, что найдено на трупe мужчины, обнаруженном в саду Тюильри. На первый взгляд, произошедшее — трагическая случайность, но майора Жюльена Делестрана терзают сомнения. Они только подтверждаются, когда прикрепленная к группе расследования психолог обнаруживает неожиданную связь этого дела с тремя пропавшими без вести женщинами.

Все эти женщины в свое время отказались от своих детей, передав их на попечение государства. А незадолго до смерти погибший и сам пытался найти своего сына, обратившись в организацию, помогающую детям-отказникам воссоединиться со своими биологическими родителями.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-196186-2

© Клокова Е.В., перевод на русский язык,
2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»», 2024

*В память о старшем капрале Уилфриде Фароне,
погибшем при исполнении служебных обязанностей
в Нанте 31 декабря 2021 года*

1

«НЕИЗВЕСТНЫЙ... МУЖСКОГО ПОЛА»

Надпись черной тушью была сделана заглавными буквами наверху бланка свидетельства о смерти.

6 апреля 2005 года, в 07:40, мужчина был официально признан мертвым.

* * *

Тело выловили из бассейна в саду Тюильри и положили на утрамбованную землю. Осмотр занял у доктора Альбера не больше двух минут. Температура тела составляла $+10^{\circ}$, сравнявшись с температурой воды. Все внутренние жидкости застыли, кожа слегка сморщилась от долгого пребывания в воде. Для Альбера, врача общей практики службы неотложной помощи, первичный осмотр был не более чем любопытной формальностью. Пациент умер до его появления, делать ничего не требовалось, разве что констатировать смерть. В общем и целом он угодил всем людям, хрупким и бессильным перед лицом смерти.

У неизвестного — мужчины лет шестидесяти — жизнь отняли жестоким ударом по затылку. Возможно, он умер, стукнувшись о каменный бортик, на ко-

тором обнаружили пятно крови. Разъяснений от врача никто не требовал — его вызвали, чтобы констатировать смерть, а не для участия в расследовании. В связи с неясными обстоятельствами и наличием раны Альбер поставил галочку в графе «медицинско-правовое препятствие», что подразумевало необходимость открыть дело.

Осмотр одежды не помог установить личность погибшего. Доктору не оставалось ничего другого, кроме как вписать «Неизвестный мужского пола» в документ, который будет передан следователям. Констатация смерти анонима — странный способ закончить ночь... Альберу оставалось только вернуться домой, и он с выражением покорности на лице вручил «голубой листок»¹ сотрудникам полиции 1-го округа. Доктор выглядел слегка сконфуженным, удаляясь по центральному проходу с саквояжем в руке, словно какой-нибудь заезжий турист.

— Доброго дня и удачи, — бросил он бригадиру, и тот в ответ вежливо пожелал ему спокойной ночи. Для одних кончалась ночь, для других начинался день.

Полицейские остались на месте преступления. На землю, под тело, положили пластиковую подстилку — чтобы уберечь возможные улики. С промокшей одежды стекала желтоватая жидкость, и погибший напоминал губку, лежащую в грязной луже. Нужно было дождаться следственную группу и судмедэксперта. Им предстоит попытаться установить причину смерти и идентифицировать покойника, чтобы известить родных и близких, если таковые найдутся...

¹ «Голубой листок» — свидетельство о смерти; документ в папке с синим клапаном, который врач закрывает из соображений конфиденциальности.

Солнце, сулившее миру радость и обновление, светило с неба сквозь листву цветущих деревьев. Весна наконец пересилила зиму, природа возрождалась. Ей не было дела до мертвеца, найденного в самом сердце Парижа и лежащего теперь на большом зеленом прямоугольнике между Сенной и улицей Риволи, между площадью Согласия и Лувром. Окружающий мир пробуждался, но люди, волей обстоятельств и по долгу службы оказавшиеся в саду Тюильри, хранили угрюмое молчание.

2

Майор Делестран всегда первым являлся на службу в 1-й отдел судебной полиции Парижа¹. Не из желания выделиться, а из чистого эгоизма: чтобы насладиться затишьем перед бурей. По традиции группа, которой он руководил, носила его имя. Несколько лет назад жена сказала, прервав его ворчание: «Все лучше, чем посмертное награждение за отвагу!» Он никогда не ощущал себя героем, зато у него было чувство долга. Лидер должен вести свой отряд и всегда быть впереди — хотя бы для того, чтобы спокойно прочесть утреннюю газету, найденную на столе в дежурной части, и без помех насладиться первой чашкой кофе. Вот такой невинный ритуал соблюдал Жюльен Делестран. Увы, сегодня он не успел включить старую кофеварку — помешал проклятый телефон. В полиции все обычно начинается со звонка... Делестран нахмурился, взглянул на часы, поставил жестянку с молотым кофе на столик и снял трубку.

¹ 1-й отдел судебной полиции Парижа с юрисдикцией над центром и западом столицы (1, 2, 3, 4, 8, 9, 16, 17-й округа).

— Делестран? Здравствуйте, это Танги Гэю.

— Доброе утро, патрон.

— Знаю, что я не вовремя, но мне только что позвонили сверху. В саду Тюильри, в одном из бассейнов, найден труп. Патрульный наряд уже на месте. Врач неотложки осмотрел рану у основания черепа и счел смерть «подозрительной». Личность не установлена, но коллеги склонны считать жертву бездомным лет шестидесяти. Очень хочу, чтобы вы на него взглянули. Вы слушаете меня, Делестран?

— Конечно, патрон.

— Я помню про дело о подозрительных исчезновениях, но оно застопорилось, а найденный мертвец взбодрит вас. Беретесь?

— У меня есть выбор?

— Выбор имеется всегда, майор. Вам это прекрасно известно. Бездомные никому не интересны — кроме вас. В большинстве случаев...

— Не люблю привычные ситуации, но, раз выбор есть, соглашусь. Бомон вот-вот появится. Когда она придет, мы экипируемся и отправимся на место.

— Вот и хорошо. Я подключу службу криминалистического учета. Держите меня в курсе.

— Конечно, патрон, как обычно.

Последние слова Делестран произнес делано небрежным тоном, как будто хотел напомнить начальству о приятельских отношениях, а еще никак не отреагировал на замечание о деле исчезнувших, грозившем превратиться в «замороженное»¹. В прошлом месяце

¹ Нераскрытое преступление, уголовное дело по которому было приостановлено и сдано в архив — «заморожено», — ввиду невозможности установления личности виновного в преступлении.

в Париже пропали три женщины. Чтобы забрать себе дела из районных комиссариатов, где коллеги уже начали работать, требовалась веская причина. Все три случая объединял их парадоксально загадочный характер. Группа Делестрана неустанно трудилась две недели: они шерстили семейную и профессиональную среду, проверяли расписание передвижений, телефоны, банковские счета, следили за мужьями и даже поставили прослушку, но не обнаружили даже намек на след. О женщинах было известно одно: они просто не вернулись домой. Между ними не было ничего общего.

Танги Гэю и Делестран долго обсуждали забуксовавшее расследование и пришли к выводу, что остается надеяться на внешний фактор, способный разблокировать ситуацию. Им было нестерпимо ждать, когда случится что-нибудь еще. Делестран считал, что умение терпеть сродни искусству страдать молча, но и ему начинало казаться, что срок ожидания слишком долог.

Танги Гэю хорошо знал своих людей. Он ценил Делестрана за профессиональную компетентность, непоколебимую приверженность делу, внешнее спокойствие. Но больше всего ему нравились упрямство, одержимость нежеланием быть запертым в четырех стенах и благородное стремление, почти этический принцип влезать туда, куда другим и в голову не пришло бы лезть, в том числе и в расследованиях. Этот способ отличиться восхищал Гэю. Он знал, что майор пребывает в сомнениях касательно исчезновений, но страдает молча, чтобы не травмировать подчиненных. Подобным людям противопоказано ничегонеделание. Необходимо было подтолкнуть его, отсюда и утренний звонок — как протянутая рука помощи.

* * *

Внимание Делестрана привлек шум в соседнем кабинете, занимаемом его заместительницей, лейтенантом Бомон. Она, не включая свет, бросила спортивную сумку на письменный стол, взялась за ручку жалюзи, как делала каждое утро, и тут увидела отражение Делестрана в стекле. Обернулась и улыбнулась ему, сверкнув глазами.

— Привет, командор.

— Привет, Виктоуар. Как насчет выезда на «свежего» покойника?

— Почему бы и нет? Но только после кофе, командор.

Майор и лейтенант работали вместе уже два года, но Бомон до сих пор не называла его по имени. Мешала не разница в возрасте и не почтение к старшему по званию, все было гораздо сложнее. Втайне ей хотелось называть его «папой», но она никогда не позволила бы себе подобного святотатства и потому выбрала слово «командор» — в соответствии с его званием и, главное, по сердечной склонности. Этим почетным титулом лейтенант именовала шефа только наедине, при всех же он был для нее майором Делестраном, главой следственной группы.

— Мне только что звонил патрон. В одном из бассейнов сада Тюильри нашли тело с раной на затылке. Я свяжусь с судмедэкспертом. Можешь вытащить план сада?

— Есть, командор!

Виктоуар удалось ответить без малейшей наигранности, разве что чуть громче, чем требовалось.

— И уволь меня от плана в цвете. Захотим увидеть изображение в натуре — откроем глаза пошире.

— А что насчет остальных?

— Я свяжусь с Митчем, он всех предупредит. Мы оставим им грязную работу. Пусть перепишут ночные звонки, но это вряд ли что даст. Сама знаешь, преступники не говорят по телефону — в отличие от невиновных.

Делестран лукавил, но, как это часто бывает, слова преобладали над смыслом. Главное — не дать себя провести.

* * *

Судмедэксперт обещал быть на месте только через сорок минут, без него не начнут, так что нет смысла включать мигалку. У них будет время проникнуться атмосферой места преступления и оценить окружающую обстановку. Выехав за шлагбаум, Бомон повернула направо, на бульвар Бесьер, чтобы попасть на бульвар Мальзерб¹, и направилась в центр города. Делестран изучал план сада на листе бумаги формата А4 и как будто уже обдумывал дело.

— Проблема, командор?

— Как посмотреть... Я работаю в Париже уже двадцать пять лет и вдруг сделал открытие. Деталь, но все же... Ты знаешь Тюильри, малышка Виктоуар?

— Иногда гуляю там. А что?

— Помнишь бассейны?

— Смутно.

— Ну так вот — их там шесть.

— Да, знаю, видела на плане. Восмиугольный бассейн смотрит на площадь Согласия, большой круглый, окруженный четырьмя меньшими, — на Лувр.

¹ По правилам — Мальзерб. Но Парижане гораздо чаще говорят «Малерб».

— И что?

— По статистике, шансов у нас один к шести, хотя Тюильри не больше Версаля, так что скоро узнаем.

Делестран хмыкнул.

— Поступим так: езжай по улице Сент-Оноре, потом припаркуемся на Риволи.

— Хорошо, командор.

— Я пятый раз за утро слышу это слово. Когда ты начнешь называть меня по имени?

— Никогда, командор.

— Шестой раз, малышка!

— Повторяешься, командор.

И верно — он назвал ее так второй раз. Проклятый патернализм...

* * *

Они нашли место у аркад, на подъезде к отелю «Мерис», перед которым на проезжей части стоял грузовик.

Через распахнутую заднюю дверь были видны большие мешки с грязным бельем, навалом брошенные на пол. Делестран все еще держал в руках план и делал на его обороте заметки. Бомон отвечала за «имущество» — оперативный чемоданчик со всем необходимым, чтобы не упустить ни одной детали при проведении следственных действий. Им пришлось подождать, пока в транспортном потоке появится зазор, чтобы развернуться и оказаться на другой стороне. Сад Тюильри красовался перед ними как зеленое святилище Парижа.

Делестран поднял глаза к небу и зацепился взглядом за белый шлейф, оставленный самолетом. Посмотрел на часы и отметил время в верхнем левом углу листа: понадобится для протокола, который еще предстоит составить.

* * *

С парапета при входе в парк на сыщиков косилась любопытная наблюдательница — городская ворона, пепельно-черная «дворняжка» с потрепанным оперением. Птица следила за содержимым мусорного бака, доверху забитого промасленными упаковками от продуктов, и могла бы сойти за горемыку, если б не горделивое пренебрежение, демонстрируемое посетителям. Когда появились полицейские с оранжевыми повязками на рукавах, недоверчивое пернатое существо сочло за лучшее отпрыгнуть в сторону, чтобы сохранить безопасную дистанцию. Впрочем, птица очень быстро вернулась на свой наблюдательный пост. Делестран не был суеверен и не считал хромую ворону виноватой в дурной репутации ее вида.

* * *

Металлическая калитка захлопнулась, притянутая доводчиком. Напарники миновали ряды деревьев с зазеленевшими кронами, и их глазам открылся панорамный вид на сад. Терраса Фельянов¹ оправдывала свое название, все еще напоминая трибуну, с которой обращались к народу вожди французской революции. Слева, метрах в ста, обнаружилась группа полицейских. Между их тенями, рядом с самым северным маленьким бассейном, белела непромокаемая подстилка.

¹ Терраса Фельянов — северная часть сада Тюильри, название получила по имени монастыря фельянов, основанного в 1587 г. и разрушенного в 1804 г., во время прокладки улиц Риволи и Кастильоне. Фельяны — политический клуб сторонников конституционной монархии в эпоху Великой французской революции XVIII в., полное название «Общество друзей Конституции, заседающее у фельянов».